

Сергей Пономаренко

ПРОКЛЯТИЕ СКИФОВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
КАУБ СЕМЕЙНОГО ДОСУГА

Харьков
2011

ББК 84.4УКР
П56

Никакая часть данного издания не может быть
скопирована или воспроизведена в любой форме
без письменного разрешения издательства

В оформлении обложки использовано изображение
скифской пекторали из кургана Толстая Могила,
хранящейся в киевском Музее исторических драгоценностей
Украины

Художественное оформление *Надежды Величко*
В оформлении использованы изображения из Википедии

Дизайнер обложки *Надежда Величко*

ISBN 978-966-14-1714-3 (PDF)

- © Пономаренко С. А., 2011
- © Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», издание на русском языке, 2011
- © Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», художественное оформление, 2011

Вот идет народ из страны северной,
и народ великий поднимается от
краев земли; держат в руках лук и ко-
пье; они жестоки и немилосердны,
голос их шумит, как море, и несутся
на конях, выстроены, как один чело-
век... Мы услышали весть о них,
и руки у нас опустились, скорбь объ-
яла нас... Не выходите в поле и не хо-
дите по дороге, ибо — меч неприят-
ель, ужас со всех сторон.

Ветхий Завет

ЧАСТЬ I

Вторая половина V века до н. э.,

Великая Скифия

С высоты каменного кургана степь казалась бескрайней, а беспокойная река Герра превратилась в едва различимую узкую синюю полосу. Зеленый ковер, надежно укрывающий землю, еще недавно такой яркий и сочный, за время похода поблек, потерял свежесть, покрылся бурыми пятнами, как лицо древней старухи. Пройдет не так много времени, и он совсем поникнет, лишится упругости и будет неприятно шуршать при ходьбе, словно жалуясь на свою лихую долю, а затем исчезнет под белым покрывалом, чтобы в свой час вновь воскреснуть и ослепить юностью, красотой и силой. Вот так и огонь в очаге умирает, чтобы вновь и вновь воскресать. И только запах степи, этот аромат многотравья, пьянящий, будто вино элинов, не исчезает никогда, даже в суровые зимы.

Священная земля сколотов¹, Геррос, хранит тайны древних каменных усыпальниц не иначе как исполинов-титанов — ведь не в человеческих силах перенести сюда, в степь, громадные камни со скалистых берегов Гипаниса² или даже горной Таврики. Возможно, именно этот курган насыпан над телом легендарного героя Геракла, поэтому так тянет сюда для размышлений о прошлом и будущем. Поэтому царям сколотов, отправляющимся в Нижний мир богини Апи, здесь воздвигают подобные земляные усыпальницы.

Царь Скил вспомнил, как ему показали на скале близ Тираса³ сохранившийся след огромной ступни Геракла — более

¹ Царские скифы. (Здесь и далее примеч. автора.)

² Южный Буг.

³ Днестр.

двух локтей в длину, и вздрогнул, представив, каким ростом и силой должен был обладать такой гигант.

Владыка воинственного народа степей был коренастым мужчиной, не так давно перешагнувшим тридцатилетний рубеж, бородатым, с загоревшим, почти бронзовым от степного ветра лицом, не выделяющимся ни красотой, ни мужественностью, и лишь редко встречающиеся изумрудные глаза, унаследованные от матери, делали необычной его внешность. Бычьей шее царя обвивала витая золотая гривна, словно переливающаяся на солнце змея, а кожаную рубаху украшало множество золотых бляшек со звериными ликами. Золотом был украшен его пояс и рукоять короткого обоюдоострого меча-акинака, на пальцах сверкали массивные золотые перстни. Сейчас он был простоволос, и чтобы темные длинные густые волосы не падали на лицо, они были стянуты кожаным ремешком, как у обычного воина. Ему нравилось ощущать, как сухой ветер обдувает лицо, играет с волосами, заставляя их развеиваться, будто он мчится во весь опор на верном Арванте¹. Он был полон сил и желания достичь невозможного — затмить славу предков, древних царей, сокрушивших Мидию, Ассирию, заставивших трепетать от страха могучих фараонов Египта и откупаться золотом, чтобы избежать нашествия народа степей. Превзойти своего деда, знаменитого царя Иданфирса, победившего малой силой несметное войско царя персов Дария, показав, что сколоты — истинные хозяева этой земли и им обязаны подчиняться и платить дань окружающие их народы. У него не было сомнений в своем великом предназначении, в том, что змееногая богиня-прародительница сколотов Табити избрала его для воссоздания царства, еще более могучего, чем Ишкуз².

¹ Быстрый. (Здесь и в последующих сносках дается перевод скифских слов из словаря В. И. Абаева.)

² Царство, основанное скифами во время великого похода в VII в. до н. э., когда были разгромлены Ассирия, Урарту, а Египет был вынужден платить дань.

Мог ли он, сын царя и невольницы-истрянки, одиннадцать зим тому назад даже мечтать о том, что унаследует царскую власть, будет править скелотами, а его имя заставит другие народы трепетать и покорно платить дань? Ализоны, каллипиды, тирагеты, хитроумные эллины Ольвии и Никонии — все они покорны его воле и опасаются царского гнева. Далеко видно с вершины этого холма, но не увидеть края земель, подвластных ему, раскинувшихся от величественной полноводной Истры до Танаиса¹, от безводной Гетской пустыни до бурного Понта Эвксинского и Меотийского озера².

Немало победоносных походов в земли черноризцев-меланхленов, меотов, синдов, людоедов-андрофагов совершил он со своими воинами, а теперь окончательно сокрушил агафирсов. Исполнилась данная им клятва во время тризны по отцу — царю Ариапифу, вероломно убитому царем агафирсов Спаргапифом. Огнем и мечом прошелся он по землям коварного народа, захватил богатые трофеи и множество пленников, а самое главное — разгромил превосходящее численностью войско Спаргапифа и пленил его самого. Вдруг мужчина насторожился, вначале почувствовав, а лишь затем услышав приближающиеся осторожные шаги, но продолжал стоять не оборачиваясь — здесь ему ничто не угрожало.

— Ардар!³ — услышал он почтительный голос телохранителя Евтимаха. — Жрецы закончили все приготовления, и от каждой сотни отобрано по одному пленнику для жертвоприношения. Цари Октамасад и Орик уже находятся возле святилища бога Арея.

— Арей будет недоволен — столь славная победа требует более щедрых жертв. Пусть жрецы отберут по три пленника из каждой сотни!

— Слушаюсь, повелитель. — И Евтимах поспешно удалился выполнять приказ царя.

¹ От Дуная до Дона.

² Черное и Азовское моря.

³ Господин.

Скил не спешил отправляться вниз, в свой передвижной город, бесконечно кочующий в поисках более удобных и сочных пастбищ, с бесчисленными четырех- и шестиколесными повозками-домами, останавливающийся надолго лишь в преддверии зимы, — там его ожидала постаревшая царица.

— Опия!

Имя царицы мысленно вернуло его в далекое прошлое, которое, чем дальше, тем все больше казалось сном. Он непроизвольно двумя руками взялся за золотую гривну, словно одно воспоминание о царице стало душить его.

Царь Скил с личной свитой, телохранителями, знаками царского верховенства, в том числе наверху, служившим еще его прадеду Арготу, не спеша следовал к капищу бога войны Арея. Навершие с фигуркой бога Папая и множеством колокольчиков, расположенных на трех его рогах, мелодично сопровождало этот торжественный ход. Путь пролегал мимо кургана-могилы его отца, находящейся недалеко от ритуального капища, и это была не случайность, а задумка Скила — чтобы дух отца-воителя смог наблюдать, как он отомстит лицемерному Спаргапифу.

За прошедшее время и следа не осталось от тех пятидесяти всадников-телохранителей царя Ариапифа, отправившихся сопровождать его и в подземное царство, чтобы там так же верно служить. Среди них был Лигдам, его побратим, с которым он вместе вырос и ближе которого не было никого. Жрец Матасий настоял, чтобы в загробный мир отправались все пятьдесят телохранителей царя, хотя можно было обойтись меньшим количеством. Неразумно отправлять лучших воинов в Нижний мир, когда в этом для них очень много дел. А лучшим из лучших был Лигдам — и Скил с силой сжал пальцы в кулаки так, что те, несмотря на степной загар, побелели.

Ему вспомнилось, как сам верховный жрец Матасий отправлял в загробный мир Лигдама, набросив ему на шею ритуальный шелковый шнурок, — вся свита и младшая жена должны были последовать за царем бескровно, так велел обычай. Как при этом торжествующе блеснули глаза у Матасия, искоса взглянувшего на него! Всем своим видом он показывал: хоть ты и царь, но я верховный жрец, и власть моя

не меньше твоей, а даже больше — ведь я властвую не только над телами, но и над душами.

Стоя неподвижно, с окаменевшим лицом, Скил ничем не выдал своих чувств, как и следовало царю, спокойно наблюдая, как из тела уже мертвого Лигдама спускали кровь, перед тем как проткнуть его колом. И когда после тризны по усопшему царю кочевники удалялись от насыпанного кургана, у его подножия остались нести почетный караул пятьдесят мертвых воинов, неестественно прямо сидящих на мертвых лошадях.

По истечении этих лет даже следа не осталось от мертвых всадников, отправившихся в вечность. «Прав был ученый грек, утверждавший, что все в этом мире переменчиво и нет ничего постоянного! Постоянным может быть лишь прошлое — его уже не изменишь». И Скил твердо решил: запретить те обычаи и ритуалы, которые могут помешать исполнению царских планов. Время выставляет новые требования, и этого не понимает лишь глупец. У хитроумных эллинов много чего следовало бы перенять, но не их болтливость и склонность заигрывать с демосом — беднотой. Отсутствие у них крепкой царской власти привело к тому, что они ищут счастья¹ в чужих краях, а на их земле властвуют чужеземные завоеватели — персы.

Святылище Арея, имеющее форму усеченной пирамиды, состоящей из вязанок хвороста, поднималось на невообразимую высоту — сорок локтей. Пространство вокруг жертвенника было заполнено шумно и бурно ожидающими проведения священного ритуала сколотами. Свободной оставалась лишь дорога, охраняемая воинами. Она вела по пологому склону к святылищу, прорезая толпу, словно кинжал. У подножия Скила ожидали цари Октамасад и Орик, а также трое жрецов, среди которых главенствовал Матасий.

¹ Ольвия означает Счастливая, ее основали выходцы из Милета после того, как их город был разрушен по указанию персидского царя Дария I.

От взгляда Скила не укрылось волнение Октамасада — оно отражалось на его лице, обычно невозмутимом, — тот понимал, что его жизнь зависит от решения брата. Тираны Археанактиды, властвующие в Пантикапее, столице Боспорского царства, номинально признавая власть скифов, платя им дань, начали спешно сооружать оборонительный вал, который должен протянуться до самой Тиритаки и в будущем оградить их от опасного соседства кочевников. Собираясь в поход против агафирсов, Скил не призвал в помощь Октамасада с его войском, а приказал тому обрушиться на строителей вала, пройти по пограничным районам Боспорского царства, тем самым пресечь самоуправство тирана Астинакса из рода Археанактидов. А Октамасад не выполнил его приказ, лишь получил дополнительную дань с Боспорского царства, и строительство оборонительного вала продолжалось. Теперь Скилу следовало решить, как поступить с ослушавшимся его приказанием Октамасадом, который был не только братом по отцу, а еще и кровником — побратимом. Во время выборов царя престарелый жрец Кадукай настоял на том, чтобы братья по отцу, Скил, Октамасад и Орик, стали еще и побратимами по сколотскому обычаю — сделали ранки на руках, смешали свою кровь с вином, и каждый испил ее из своей чаши. Двойное братство, по мнению жреца, должно было исключить споры между ними относительно верховенства Скила и не допустить смуты.

Скил не сомневался, что послушание Октамасада — это результат происков жреца Матасия. С одной стороны, надо, действуя жестко и беспощадно, показать, что воля верховного царя выполняется беспрекословно, а с другой стороны — Октамасад дважды его кровник, и он не имеет права пролить его кровь. С решением медлить нельзя — любая слабость царя на руку недругам, а их — несмотря на видимую сплоченность сколотов — хватает, причем с избытком.

Волнуясь, Октамасад поспешно выступил вперед, при этом резко оттолкнув верховного жреца Матасия, распорядителя предстоящего священного ритуала.